

Сэм Эшман, Алекс Каллиникос

НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА: ОЦЕНИВАЯ «НОВЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ» ДЭВИДА ХАРВИ¹

Работа Дэвида Харви «Новый империализм» — важная книга. Во-первых, она посвящена одному из наиболее насущных вопросов: вопросу о природе и тех формах, которые сегодня принимает империализм. Во-вторых, рассматривая данную проблему, Харви привлекает тот интеллектуальный ресурс, который может быть предложен одной из самых примечательных традиций в современной марксистской политической экономии. Уже в «Границах капитала» Харви предлагает набросок теории империализма в рамках целостного анализа тех процессов, которые заводят капитализм в кризисы перенакопления. В «Новом империализме» он развивает гораздо более систематическую теорию, не упуская при этом из вида и те более общие проблемы, которые он рассматривал в предыдущих работах².

В-третьих, несмотря на некоторые ограничения, анализ Харви заслуживает самой высокой похвалы. Он интерпретирует войну в Ираке как своего рода предупредительный удар республиканцев правого крыла, контролирующих администрацию Буша, направленный на то, чтобы послать сообщение потенциальным «конкурентам» Соединенных Штатов, таким как Европейский Союз и Китай. А также на то, чтобы упрочить американское военное присутствие на Ближнем Востоке с целью закрепить доступ Вашингтона к нефти региона, от которой сильно зависят конкуренты США. Более того, выстраивая свой анализ, Харви рассматривает капиталистический империализм как то, что возникает из «диалектических отношений между территориальной и капиталистической логиками власти. Две логики различ-

1 Перевод по изданию *Ashman S., Callinicos A. Capital Accumulation and the State System: Assessing David Harvey's «The New Imperialism» // Historical Materialism. 2006. Vol. 14. No. 4. P. 107–131.*

2 Краткое рассмотрение интеллектуальной эволюции Харви см. *Callinicos 2006.* Мы благодарны Бену Файну и редакторам журнала «Исторический материализм» за их полезные комментарии по ходу работы над данной статьей.

ны и никоим образом не сводимы друг к другу, при этом они тесно между собой переплетены»³. Данная формулировка вполне согласуется с нашим видением, согласно которому «марксистская теория империализма анализирует те формы, в которых геополитическая и экономическая конкуренция переплетаются в современном капитализме»⁴. Тот факт, что теоретики на разных основаниях приходят независимо друг от друга к похожему пониманию империализма — хороший знак потенциально очень плодотворного встречного движения на современном радикальном левом фланге.

Ниже приводятся наши размышления о «Новом империализме». Они излагаются как дискуссия с Харви, которая может поспособствовать проявлению и укреплению разделяемых нами пониманий. Мы рассмотрим позицию Харви относительно природы современного империалистического противостояния, попытаемся выявить отношения между экономической и геополитической конкуренцией, а также выскажем некоторые предостережения против иногда слишком сильных утверждений, которые делает Харви относительно роли в современном капитализме того, что он называет «накоплением через лишение собственности». В частности, мы не согласны с периодически выдвигаемым тезисом Харви о том, что развитой капитализм — особенно представляемый США — по своей сути сегодня является хищническим. Вместо этого мы утверждаем, что современный капитализм продолжает извлекать прибыль из эксплуатации наемного труда и что этот процесс продолжает быть сосредоточенным в основном в регионе стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСД) с очень важным включением сюда Китая. Как становится очевидным из его недавней книги «Краткая история неолиберализма», эта оценка не сильно отличается от его собственной точки зрения⁵. Большая часть нашей статьи была написана до появления данной книги, мы будем отсылать к ней лишь тогда, когда это будет напрямую касаться нашего обсуждения.

КОНЕЦ МЕЖИМПЕРСКИМ ПРОТИВОСТОЯНИЯМ?

Прежде всего, имеет смысл поместить Харви в контекст современных дискуссий об империализме. Одним из основных дискуссионных моментов в современной марксистской политической экономии является вопрос о том, функционирует ли капитализм сегодня по преимуществу через транснациональные сети власти, как это на разный лад утверждают Хардт и Негри, а также иные теоретики возникновения транснационального капиталистического класса⁶. При этом даже некоторые из тех, кто отрицает данную позицию, тем не менее утверждают, что глобальный капитализм более не связан с теми межимперскими противостояниями, о которых писали Ленин

3 Harvey 2003, p. 183.

4 Callinicos 2003, p. 106.

5 Harvey 2005b.

6 См. например Hardt & Negri 2000, Robinson 2004.

и Бухарин. Так Лео Панич и Сэм Жиндин утверждают, что мир развитого капитализма интегрируется относительно бесконфликтно под эгидой неформальной империи Соединенных Штатов. Прочие с ними не согласны, они утверждают, что, несмотря на неравномерное распределение власти между США и даже наиболее сильными из государств, противостояние Великих Держав остается значительной чертой современной мировой политической экономики⁷.

Где же место Харви в этом споре? В «Лимитах капитала» он выдвигает очень мощную теорию межимперских противостояний, интерпретируемых им как попытки соперничающих держав перекинуть бремя девальвации капитала друг на друга. Суть его позиции отражается в названии заключительного раздела книги: «Межимперские противостояния: всеобщая война как крайняя форма девальвации»⁸. В «Новом империализме» все обстоит несколько иначе: работа опирается на теорию Джованни Арриги о мировых капиталистических гегемонах. Несмотря на редкие указания на возникновение «особого транснационального капиталистического класса», Харви подчеркивает значение актуальных и потенциальных конфликтов между ведущими капиталистическими державами. Таким образом, он указывает на возможность

все возрастающего острого международного соперничества: динамические центры накопления капитала конкурируют на мировой арене на фоне мощных потоков перенакопления. В силу того, что не все могут в конечном счете преуспеть, результатом становится либо гибель слабейшего из-за серьезного кризиса внутренней девальвации, либо возникновение геополитического противостояния между регионами. Последнее благодаря территориальной логике власти может превратиться в конфронтацию государств, заключающуюся в торговых и валютных войнах со всегда присутствующей где-то на заднем плане опасностью военных конфронтаций (наподобие тех, что мы видели во время двух мировых войн в XX в.)⁹

Как и Арриги, Харви указывает на упадок гегемонии США и на возникновение ситуации, которую вслед за Ранаджитом Гухом можно назвать «доминированием без лидерства»: все больше приходится уповать на принуждение, так как возможность США добиваться согласия прочих ведущих стран «в беспроигрышной игре, в которой все стороны выигрывают», сходит на нет¹⁰. Однако ради справедливости отметим, что описание конфликта ведущих держав Харви гораздо более гибко, чем описание Арриги. Большой упор делается на ЕС, но при этом Китай рассматривается как более важный потенциальный конкурент. Более того, в «Новом империализме» нет и наме-

7 Сравни Panitch & Gindin 2003 и Callinicos 2005b.

8 См. Harvey 1982, pp. 437–45.

9 Harvey 2003, pp. 186, 124.

10 Harvey 2003, p. 37. См. например Arrighi 2005a и 2005b.

ка на цикличную философию истории, которая у Арриги питает рассуждения о взлетах и падениях капиталистических гегемонов и которая заставляет его предположить, что в будущем Восточная Азия вытеснит США. Ближе всего к подобным предсказаниям Харви подходит в тот момент, когда предполагает, что в противодействии Франции, Германии, России и Китая вторжению в Ирак «стало возможным различить слабые очертания Евразийского геополитического блока держав, который, как это давно предсказывал Хэлфорд Макиндер, сможет с легкостью осуществлять геополитическое доминирование в мире». Он рассматривает захват Ирака как шаг на пути создания «мощного военного американского форпоста» в самом сердце того блока, о котором говорит Макиндер, «чтобы иметь как минимум задел для предотвращения любой консолидации евразийской власти»¹¹. Этот, как многие могут подумать, чисто спекулятивный сценарий, свидетельствует о том, что Харви рассматривает конфликт ведущих держав скорее как плавно движущееся равновесие между множеством «динамических центров накопления», чем как всего лишь случайность на фоне гегемонии США (или как взлет и падение гегемонов). В силу того, что в целом мы разделяем это видение, остальная часть нашей статьи посвящена двум другим вопросам. Во-первых, самому пониманию Харви империализма и, во-вторых, тому вниманию, которое он уделяет роли так называемого накопления через лишение собственности в современном капитализме.

ЛОГИКИ ВЛАСТИ И ФОРМЫ КОНКУРЕНЦИИ

Как мы уже увидели, Харви понимает капиталистический империализм как «диалектическое взаимоотношение территориальной и капиталистической логик власти». Тот факт, что это взаимоотношение названо диалектическим, изначально лишает основы все попытки свести одну из этих логик к другой. В ключевом параграфе Харви пишет:

Взаимоотношение этих двух логик должно рассматриваться скорей как проблематичное и даже противоречивое (то есть диалектическое), чем как функциональное или одностороннее. Тезис о диалектическом взаимоотношении способствует анализу капиталистического империализма в понятиях пересечения этих двух разных, но пересекающихся логик власти. Трудность непосредственного анализа конкретных ситуаций заключается в необходимости одновременно держать на виду две стороны этой диалектики и не сбиться при этом ни в сугубо политическую, ни в сугубо экономическую аргументацию.¹²

Мы разделяем тот метод, который Харви предложил чуть выше. Однако требуется некоторое уточнение относительно того, что же соотносится друг с другом в этой диалектике. Различение между капиталистической и терри-

¹¹ Harvey 2003, p. 85.

¹² Harvey 2003, p. 30.

ториальной логиками власти Харви заимствует у Арриги, согласно которому их следует понимать как

противоположные способы правления или как противоположные логики власти. Территориальные правители отождествляют власть с обширностью и населенностью своих владений, богатство/капитал понимается ими как средство или побочный продукт территориальной экспансии. Капиталистические правители, наоборот, отождествляют власть со своим владением редкими ресурсами и рассматривают приобретение территорий как средство и побочный продукт накопления капитала.¹³

Арриги уже указывал на то, что использование данного различия у Харви отличается от его собственного: «У него территориальная логика касается политики государства, а капиталистическая логика относится к политике производства, обмена и накопления. У меня же обе логики относятся, прежде всего, к государственной политике»¹⁴. Действительно, в том параграфе Харви, который мы цитировали, очень четко видно, что он понимает капиталистическую и территориальную логику не так как Арриги (то есть не как «формы управления»), но в понятиях различия между экономическим и политическим. Кроме того, Харви говорит об «империализме как о результате трения между двумя источниками власти. Одним источником является территориальная власть, заключающаяся в государственных образованиях. Другая — капиталистическая логика власти, суть которой в контроле за деньгами, активами, а также потоком и циркуляцией капитала»¹⁵.

Какими бы ни были достоинства аутентичного разделения, проведенного Арриги, на наш взгляд, более подходит то его использование, которое предлагает Харви. Его подход совпадает с нашим собственным пониманием капиталистического империализма как пересечения двух форм конкуренции: экономической и геополитической. Такое мышление об империализме имеет три особых достоинства. Во-первых, оно помещает капитализм в рамки одного из двух конститутивных измерений капиталистической формы производства: а именно конкуренции между капиталами (второе измерение — это, конечно, эксплуатация наемного труда). С исторической точки зрения, возникновение империализма в конце XIX в. произошло в тот момент, когда межгосударственное противостояние превратилось в противостояние между «многими капиталами» и кристаллизовалось в форму этого противостояния, замешанную, как на том настаивает Харви, на экономической конкуренции, но не сводимую к ней¹⁶. Во-вторых, понимание империализма как переплетения экономической и геополитической конкуренции позволяет избежать вывода, который иначе может быть сделан

¹³ Arrighi 1994, p. 33. Акценты расставлены нами [С. А. и А. К.].

¹⁴ Arrighi 2005a, p. 28, n. 15.

¹⁵ Harvey 2005a.

¹⁶ См. Callinicos 2004b, §4.4.

из разделения между капиталистической и территориальной логиками власти, о том, что сам капитал вовсе не нуждается в том, чтобы определять себя в пространственном отношении. Ложность данного суждения продемонстрировала вся интеллектуальная карьера Харви. Он сам делает вывод о том, что «некая неформальная размытая, но тем не менее различимая территориальная логика власти — „региональность“ — необходимо и неизбежно возникает из молекулярных процессов накопления капитала в пространстве и времени»¹⁷.

В-третьих, диалектическое взаимоотношение, составляющее империализм, может быть более надежно ухвачено в том случае, если оно будет выявляться через рассмотрение интересов двух (принципиальных) особых групп деятелей: капиталистов и государственных управленцев. Можно вслед за Бреннером использовать тезис о правилах воспроизводства различных классов деятелей в зависимости от их места в процессе производства, то есть тезис об особых стратегиях, которые данные деятели должны использовать для того, чтобы сохранять себя на своих позициях¹⁸. Вполне правдоподобно мыслить правила воспроизводства капиталистов в понятиях сохранения (в динамике условий конкурентного накопления это значит в понятиях расширения) их капитала: если им не удастся этого сделать, то их капитал обанкротится или будет поглощен еще более сильным и успешным капиталом. Государственные управленцы, наоборот, должны сосредоточиться на сохранении власти их государства по отношению к другим государствам, а также по отношению к своему собственному народу: неудача в этом предприятии сильно ударит по их способности контролировать собственный народ, а значит и по их способности мобилизовать ресурсы. В конечном счете это может привести к крушению государства, что на своем опыте совсем недавно испытали жители таких стран, как Сомали, Сьерра-Леоне, Демократическая Республика Конго¹⁹.

Естественно, что следование различным правилам воспроизводства подразумевает, что капиталисты и государственные управленцы будут по-разному оценивать свои цели. Например, давайте вспомним тот массовый скептицизм, с которым бизнес-сообщество Америки отнеслось к вторжению в Ирак. Однако рациональное стремление к достижению различных целей —

17 Harvey 2003, p. 103. Между пониманием «территориальной логики власти», порожденной молекулярными процессами накопления капитала, Харви и историческим рассмотрением взаимодействия государственной власти и локальных сетей производительного капитала Криса Хармана есть очень интригующие сходства. Сравни Harvey 2003, pp. 101–8 и Harman 1991, pp. 7–10.

18 Brenner 1986.

19 Следовательно, правила собственного воспроизводства у государственных управленцев подразумевают геополитику, но к ней не сводятся. При этом то государство, которое не способно контролировать свою территорию, будет стремиться прибегнуть к внешнему вмешательству со стороны соседей или даже со стороны сверхдержав. Это доказывают вышеуказанные примеры из Африки. Таким образом, внутреннее и геополитическое измерение государственной власти тесно связаны друг с другом.

это то, что делает капиталистов и государственных управленцев зависимыми друг от друга. Капиталисты, вне всякого сомнения, нуждаются в государстве как гаранте общих условий накопления капитала, кроме того, зачастую они нуждаются еще и в более конкретной поддержке со стороны того конкретного государства, с которым непосредственно связаны их интересы. Государство способно помочь капиталистам, например, за счет той роли, которое оно играет в торговых переговорах в рамках ВТО. С точки зрения управленцев, их власть над ресурсами и вытекающая отсюда способность реализовывать силу государства как внутри границ, так и за их пределами, в условиях повсеместного господства капиталистического способа производства будет при прочих равных зависеть от размера и прибыльности того капитала, который располагается на территории их государства. Все это делает управленцев заинтересованными в стимуляции процессов накопления капитала на своей территории, а также, в случае если они станут проводить политику, мешающую этим процессам, зависимыми от негативных последствий утечки капитала, валюты, долговых кризисов и т. д.²⁰

Мышление, позволяющее нам увидеть отношения между капиталистами и управленцами (шире — между капиталом и государством) на уровне их структурной независимости, гарантирует избавление от опасности сведения государства к инструменту капитала или интересов одной группы к интересам другой. Как капиталисты, так и управленцы наделяются активным статусом в качестве инициаторов стратегий и тактик, предназначенных для продвижения их собственных особых интересов. При этом преследование своих интересов приводит обе группы к сотрудничеству друг с другом. Вне всяких сомнений, формы этого сотрудничества различаются по мере того, как капитализм развивается. Харман прослеживает исторически различные формы взаимосвязи государства и капитала, включая ту, что Колин Баркер называет «государство как капитал». Последнее понятие обозначает ту тенденцию, которая наиболее полно проявила себя в середине XX в., когда управленцы играли все более важную, а иногда (не только в случае с Советским Союзом) и доминирующую роль в непосредственном управлении процессами накопления²¹. Однако даже этот особый случай может быть правильно понят только при условии учета различных интересов и стратегий воспроизводства, используемых капиталистами и управленцами.

20 Насколько мы знаем, этот тезис одним из первых развивал Фред Блок: см. Block 1987, главы 3–5. Тот же самый подход у Miliband 1983 и Harman 1991. Однако при этом данный аргумент имеет один важный недостаток: он не объясняет факта существования множества государств. Рассмотрение данной проблемы потребует гораздо более длинной статьи, некоторые размышления на этот счет см. Callinicos 2004а и 2007. Даже если данный аргумент включит в себя рассмотрение этой проблемы, это будет только часть удовлетворительной марксистской теории государства. Эд Руксби в своей докторской диссертации в ун-те Йорка пытается произвести синтез идей Блока и Пуланзаса с целью прояснения современной социалистической стратегии.

21 Barker 1978.

Неумение должным образом принять в расчет данное обстоятельство, а значит и связанные с ним измерения экономической и геополитической конкуренции, может вполне иметь крайне неприятные следствия как аналитические, так и политические. Далее мы рассмотрим обозначенную Харви проблему необходимости «одновременно держать на виду две стороны этой диалектики». Реалистическая школа международных отношений — один из примеров того, как описанное выше «одновременное держание на виду обеих сторон» не соблюдается. То, что происходит на международном уровне, в этой традиции рассматривается как чистый итог взаимодействия государств, которые при этом понимаются как атомизированные, унитарные и (инструментально) рациональные акторы. Марксисты, сводя на нет геополитическое измерение, делают противоположную ошибку: они ищут исключительно экономические причины любой политики и любых действий государства. Один из примеров — Бреннер, отрицающий тот факт, что захват Ирака может быть рационально оправдан интересами американского империализма. Он утверждает, что глобальная гегемония США уже вполне утвердилась благодаря политике неолиберальной глобализации, проводимой Клинтоном, а ближневосточная нефть была вполне доступна на мировых рынках. Геополитическая стратегия Буша, с его точки зрения, является результатом сближения сумасшедших неоконков и американских корпораций, оказавшихся в отчаянном положении в силу затянувшегося кризиса прибыльности. Их сблизил единые цели: заработать денег за счет разрушения государства благосостояния и /или разграбить Ирак²².

Было бы глупо утверждать, что иррациональность, тупость и безумие не играют никакой роли во внешней политике (особенно в случае с США). Уже бесчисленное количество раз было подмечено множество ошибок и просчетов, совершенных администрацией Буша при завоевании и оккупации Ирака. Некоторые даже посчитали эти ошибки доказательством принципиальной неспособности США к созданию империи²³. Но, приняв все это во внимание, станем ли мы по-прежнему утверждать, что не существует никакого геостратегического оправдания войны в Ираке? Согласиться с Бреннером и признать, что в основе кампании в Ираке нет ничего кроме прямой экономической заинтересованности, значит, по сути, вообще отрицать за геополитической конкуренцией хоть какую-то важность. Это значит согласиться рассматривать ее как простую завесу, за которой скрываются реальные экономические интересы. Именно такого рода рассуждения блокируются, когда мы осмысляем отношения между государством и капиталом в понятиях структурной независимости. Если рассматривать геополитику серьезно, то это позволит нам, как, например, в случае с Ираком, поместить внешнюю политику администрации Буша в контекст вариаций на тему той основной стратегии,

22 Бреннер заявлял данную позицию по целому ряду случаев. Особенно примечательно его выступление на сессии, посвященной империализму, во время обсуждения его идей, организованного изданиями «Исторический материализм» и «Международный социализм» в Лондоне 14 ноября 2004 г.

23 См. анализ того же самого с других позиций Mann 2003 и Ferguson 2004.

которую США реализуют с момента своего возникновения. Именно к этому нас призывает Джон Льюис Гаддис в своем небольшом великолепном эссе²⁴.

Подобный взгляд отнюдь не подразумевает, что экономическая и геополитическая конкуренция должны мыслиться как совершенно отдельные сферы. Именно в силу их независимости некоторые из управленцев и капиталистов будут стремиться формулировать стратегии, учитывающие как экономический, так и политический аспект. В случае с капиталистами это может принять форму корпоративного лоббирования, что, как уже не раз было продемонстрировано, сыграло ключевую роль в современной неолиберальной глобализации, однако одновременно это может привести и к гораздо более амбициозным начинаниям, подобным тем, что были различены некоторыми учеными в развитии атлантического корпоративного либерализма после Второй мировой войны²⁵. Тем временем государственные стратеги, оценивая государственные угрозы и возможности, будут тяготеть к тому, чтобы рассматривать место своего государства в глобальной экономике в зависимости от его реальных и потенциальных конкурентов. Например, неоконсерватор Пол Вулфовиц был достаточно откровенен в своем указании на то дестабилизирующее воздействие, которое оказал подъем новых экономических сил Восточной Азии на находящийся под контролем США мировой порядок²⁶.

ПРИРОДА И ГРАНИЦЫ НАКОПЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ ЛИШЕНИЕ СОБСТВЕННОСТИ

Прояснив и обосновав правомерность концепции империализма Харви, перейдем к рассмотрению еще одного отмеченного всеми момента его книги. Речь идет о тезисе, согласно которому в течение 1980-х и 1990-х гг. «„накопление через лишение собственности“ [...] превратилось в гораздо более важный фактор в системе глобального капитализма (приватизация здесь — один из ключевых элементов)». К данному понятию Харви приходит через критику, как он считает, заводящего в тупик противопоставления, сделанного Марксом, между капиталистическим способом производства как «нормальной» самовоспроизводящейся системой (такое описание встречается на страницах «Капитала») и жестоким процессом «примитивного накопления», которому посвящена 8 часть 1 тома:

Недостаток данной позиции в том, что она относит накопление, опирающееся на хищничество, обман и насилие, к «начальной стадии», полагающейся более незначимой, или же, как в случае с Люксембург, находящейся «вне» капитализма как закрытой системы.

Проблема здесь заключается в следующем: «Все черты примитивного накопления, о которых пишет Маркс, до сего дня присутствуют в мире капита-

24 Gaddis 2004; также см. Callinicos 2005a.

25 См. соответственно Monbiot 2000 и Van Der Pijl 1984.

26 Например, см. Wolfowitz 1997.

лизма». Для описания этих черт Харви использует выражение «накопление через лишение собственности»²⁷.

Харви предлагает два объяснения сохранения и даже роста практик накопления через лишение собственности. Во-первых, несмотря на то, что он отвергает теорию Люксембург о кризисе, вызываемом недопотреблением, а также вывод, который она делает, что капитал вынужден искать некапиталистических покупателей для своих товаров. Он тем не менее соглашается, что

капитализм с неизбежностью всегда творит своего «другого». Значит, идея о том, что для капитализма необходимо что-то помимо его самого, не лишена смысла. При этом капитализм может, как использовать что-то, что уже существует вне его (некапиталистические общественные формации или некоторые сектора внутри самого капитализма — такие как образование, — которые еще не были «пролетаризированы»), так и активно это что-то создавать.²⁸

Во-вторых, Харви помещает накопление через лишение собственности в контекст девальвации капитала, с помощью которого капиталисты отвечают на кризис перенакопления²⁹. С этой точки зрения, «что накопление через лишение собственности и делает, так это высвобождает ценности (включая рабочую силу) за очень небольшую (а в некоторых случаях равную нулю) сумму. Перенакопленный капитал может тут же завладеть этими ценностями и сразу же начать выгодно их использовать». Следовательно, «если капитализм испытывает хроническую проблему перенакопления, как то происходило с 1973 г., то неолиберальный проект приватизации обретает смысл как способ разрешения данной проблемы»³⁰. Передача общественно-го имущества в частный сектор по крайне низким ценам — способ девальвировать капитал и тем самым повысить уровень прибыли.

Харви прав, когда утверждает, что накопление за счет различных мер политического принуждения не может быть отнесено к некоей первоначальной стадии формирования капитализма. Это постоянная черта развития капитализма. Если мыслить в таком ключе, то это поможет понять современные процессы приватизации, которые, как указывает Харви, являлись основным раздражающим фактором для современных движений сопротивления неолиберализму в таких разных странах, как Боливия и Гана. Более того, нечто похожее на тезис о том, что неолиберализм и накопление через лишение собственности тесно между собой переплетены, имеет широкое хождение среди радикальных теоретиков³¹. Однако при этом важность исследуемого явления требует, чтобы его осмыслили с повышенным вниманием.

27 Harvey 2003, pp. 67, 144, 145.

28 Harvey 2003, p. 141.

29 Harvey 1982, pp. 192–203.

30 Harvey 2003, pp. 149–50.

31 Например, см. Perelman 2000 и Retort 2005.

Потенциальные ловушки выявляются в интересной статье Массимо де Анжелис, в которой «огораживание» — так де Анжелис предпочитает обозначать накопление через лишение собственности — понимается как «конститутивный элемент капиталистических отношений и капиталистического накопления». Огораживание, то есть новое отделение непосредственных производителей от средств производства посредством экстраэкономических мер, — хроническая черта капиталистического способа производства. Капитал тяготеет к расширению и к колонизации всех сторон жизни, тогда как люди стремятся населять жизненные миры и выстраивать внутри этих миров общественные отношения, альтернативные товарным. Следовательно, общей чертой для всякого огораживания является «насильственное лишение людей любого доступа к общественным благам, не опосредованного конкурентным рынком и деньгами в форме капитала». Это достигается двумя путями: « (1) Огораживание как сознательное силовое навязывание; (2) огораживание как побочный продукт процесса накопления». Первый путь подразумевает политическое вмешательство, варьирующееся от Актов Парламента XVII и XVIII вв., огораживающих общую землю (отсюда сам термин «огораживание»), до современных практик приватизации. Де Анжелис приводит примеры и второго пути: «негативные внешние следствия». Речь идет об издержках, которые, будучи обусловленными факторами, находящимися вне производственного процесса (например, загрязнение окружающей среды или истощение ресурсов), не включаются в рыночную стоимость товара³².

Однако негативные внешние следствия вовсе не являются чистыми случаями насильственного отделения непосредственных производителей от средств производства за счет сверхэкономических средств. Де Анжелис справедливо замечает, что загрязнение окружающей среды и истощение ресурсов может согнать крестьян с земли. Однако это не будет примером огораживания, так как причиной такого неприятного исхода является не вмешательство сверхэкономических сил, но «нормальное» функционирование процесса накопления. Все это, конечно, не делает происходящее с крестьянами более справедливым или менее достойным осуждения и противодействия. Одна из основных задач Капитала (том I) — показать, что системная неспра-

---

КАПИТАЛ ТЯГОТЕЕТ К РАСШИРЕНИЮ И К КОЛОНИЗАЦИИ ВСЕХ СТОРОН ЖИЗНИ, ТОГДА КАК ЛЮДИ СТРЕМЯТСЯ НАСЕЛЯТЬ ЖИЗНЕННЫЕ МИРЫ И ВЫСТРАИВАТЬ ВНУТРИ ЭТИХ МИРОВ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ТОВАРНЫМ

---

32 De Angelis 2004, pp. 61, 75, 77, 78. Определение огораживания суммирует дискуссию на с. 62–68.

ведливость при капитализме (сама эксплуатация наемного труда) не нуждается ни в силе, ни в обмане для успешного функционирования. Тот анализ примитивного накопления, который проводится в восьмой части «Капитала», не касается основной интересующей Харви проблематики: капитал может увеличивать себя в том числе и за счет насильственных форм хищничества и воровства. Вместо этого Маркс исследует то, как утверждают себя предпосылки капиталистической эксплуатации (прежде всего, отделение непосредственных производителей от средств производства). Данный процесс самым прямым образом касается насильственного лишения собственности, история которого «кровью и огнем вписана в анналы человеческой истории». Однако эта пламенная и кровавая история сделала возможным возникновение эксплуатации через «тихое принуждение экономических отношений. Конечно, прямая сверхэкономическая сила еще до сих пор используется, но лишь в исключительных случаях»³³. Де Анжелис и Харви справедливо замечают, что из данного анализа никоим образом не следует, что накопление через лишение собственности является разовым явлением, а не хронической чертой всей истории капитализма. Однако все это не уменьшает значения различия между накоплением капитала, основанным на эксплуатации наемного труда (Харви называет это «расширяющимся воспроизводством»), и «накоплением, основанным на хищении, обмане и насилии».

Пытаясь, в нарушение своего же собственного определения огораживания, выйти за пределы этого ключевого различия, де Анжелис успешно включает в категорию огораживания абсолютно все капиталистические отношения. Он пишет: капитал необходимо понимать «как огораживающую общественную силу»³⁴. Харви, наоборот, отказывается следовать этим путем. Он настаивает на сохранении различия между расширяющимся воспроизводством и накоплением через лишение собственности, утверждая, что «примитивное накопление, открывающее путь к расширяющемуся воспроизводству», не лишено прогрессивной составляющей, и, подчеркивая, что «оба феномена (расширяющееся воспроизводство и накопление через лишение собственности) органически связаны и диалектически между собой переплетены». Харви считает, что данные концептуальные положения имеют политическую важность в силу того, что левые должны найти способ соединить «борьбу изнутри расширяющегося воспроизводства», суть которой в различных вариантах трейдьюнионистской деятельности, вышедшей на первый план во время долгого подъема 1945–1973 гг., с «борьбой против накопления через лишение собственности, которую ведут различные общественные движения, выступающие вместе с анти- и альтерглобалистами»³⁵.

Во всех этих моментах мы согласны с Харви. Тем не менее у нас есть сомнения относительно того, как Харви осмысляет накопление через лишение собственности. Это касается, во-первых, того, где он полагает границы дан-

33 Marx 1976, pp. 875, 899.

34 De Angelis 2004, p. 59, n. 5.

35 Harvey 2003, pp. 164, 176.

ного понятия. Во-вторых, того, как он понимает экономическую значимость того явления, о котором пишет. Наконец, в-третьих, того, как он трактует его распространенность в современной мировой экономике. Если брать первый аспект, то Харви особенно подчеркивает роль накопления через лишение собственности в современном капитализме как одного из способов смягчения или прекращения кризиса перенакопления за счет девальвации капитала. Далее он справедливо замечает: «Та же самая цель может быть достигнута, в том числе и за счет девальвации существующего основного капитала и существующей рабочей силы». Именно этот механизм, как считал Маркс, срабатывает во время экономических кризисов: основной капитал приобретает за крайне низкую стоимость, а безработица вынуждает рабочих соглашаться на более низкие зарплаты. За счет этого уровень прибыли получает возможность вернуться к уровню, делающему возможным накопление. Однако уже страницу спустя Харви, похоже, отождествляет эту альтернативную форму девальвации с накоплением через лишение собственности:

Региональные кризисы и локальные девальвации — два основных способа, посредством которых капитал все время создает себе «другого», чтобы им питаться. Финансовые кризисы в Восточной и Юго-Восточной Азии в 1997–1998 гг. — классические примеры вышеописанного механизма.³⁶

Единственным оправданием для такого рода утверждений может служить выдвинутое им ранее предположение о том, что безработица, созданная за счет рационализаторских инвестиций, является примером «создания другого»:

Капитализм, чтобы накапливать, действительно нуждается в чем-то внешнем по отношению к себе самому. Однако в вышеописанном случае (то есть в случае создания индустриального резерва) он, по сути, на определенном этапе в целях будущего накопления вышвыривает рабочих из системы.³⁷

Но что имеется в виду, когда утверждается, что безработные находятся «вне системы»? Они, действительно, могут быть не задействованы капиталом, однако в условиях развитых капиталистических экономик они будут существовать за счет социального обеспечения, которое, в свою очередь, финансируется за счет налогообложения зарплат и доходов (к этому мы вернемся ниже). В частности, на большом Юге те, кто был отлучен от наемного труда, должны искать иные способы пропитания, однако, вопреки попыткам де Анжелиса романтизировать эти стратегии выживания как созидание «нового сословия», чаще всего они остаются внутри капиталистической экономики³⁸.

³⁶ Harvey 2003, pp. 150, 151.

³⁷ Harvey 2003, p. 141.

³⁸ Очень интересный анализ роста городского «неформального сектора» в неолиберальную эру см. Davis 2004.

Во-вторых, речь идет не только о том, что у Харви не совсем четко обозначены границы накопления через лишение собственности, но еще и о том, что функции накопления такого рода требуют гораздо более детализированного, чем у Харви, рассмотрения. Как мы увидели, он представляет данное накопление как одно из решений проблемы перенакопления. Согласно этому взгляду, накопление через лишение собственности выглядит как разновидность общей формулы капитала — Д-Т-Д (деньги-товар-деньги). Единственное отличие заключается в том, что если в случае расширяющегося воспроизводства ревальвация обеспечивается эксплуатацией наемного труда, то при накоплении через лишение собственности — «хищением, обманом и насилием». Однако здесь стоит более подробно рассмотреть некоторые из экономических форм, происходящих сегодня процессов лишения собственности. В частности, представляет интерес рассмотрение приватизации, которую Харви называет «средоточием накопления через лишение собственности»: «Имущество, находившееся либо в общем пользовании, либо в собственности государства оказывается на рынке, где перенакопленный капитал получает возможность сделать инвестиции в это имущество, его усовершенствовать, а также спекулировать им»³⁹. Однако важно понимать, что приватизация может принимать различные формы и выполнять при этом различные функции. Мы считаем, что эти функции более плодотворно понимать в категориях превращения в товар, повторного превращения в товар и реструктурирования.

Данная классификация контрастирует с той, которую предлагает Харви в «Краткой истории неоллиберализма», где он расчленяет накопление через лишение собственности на следующие составляющие:

1. Приватизация и превращение в товар.
2. Финансирование.
3. Управление и манипуляции кризисами.
4. Государственные перераспределения⁴⁰.

Данный перечень — свидетельство чрезвычайно широкой трактовки Харви накопления через лишение собственности. Эта широкая трактовка идет в ущерб более детальному анализу. Плюс нашей классификации в том, что она, во-первых, позволяет гораздо лучше увидеть формы приватизации в историческом контексте (отсюда разделение между превращением в товар и повторным превращением в товар), а во-вторых, делает возможным более аккуратное вычленение экономических функций этих форм. Ниже мы отдельно рассмотрим каждый элемент предложенной нами классификации.

(1) Превращение в товар: процесс превращения благ, которые до этого не являлись товаром, в объекты частной собственности, которые могут быть куплены, проданы или сделаны предметами спекуляции. Когда патентуется

39 Harvey 2003, pp. 157, 158.

40 Harvey 2005b, pp. 160–5.

особый сорт риса или какой-то ген, то в этом случае то, что некогда являлось общим достоянием — в первом случае, частью традиционного умения и понимания, во втором, — результатом научного исследования, — трансформируется в товар. В трактовке Харви это экспроприация в чистом виде: корпорации используют свои ресурсы и свой привилегированный доступ к политическому процессу и правовой системе, чтобы получить контроль и извлекать прибыль из того, что некогда либо не принадлежало никому, либо принадлежало государству. Примерами, относящимися сюда, могут быть: продажа запасов природного газа Боливии — 29 триллионов кубов, оцененных в 250 миллиардов долларов — иностранным нефтяным компаниям, среди которых БП, Респсол и Петробрас. Еще пару лет назад об этих запасах никто ничего не знал.

(2) Повторное превращение в товар: процесс обратного превращения того, что некогда или было товаром, или было произведено частным собственником, но что затем было национализировано государством, в товар. Сюда относится приватизация общих благ, таких как вода и электроэнергия. Такая участь постоянно нависает над государством всеобщего благосостояния, однако здесь нужен очень аккуратный анализ⁴¹. До того как задача социального обеспечения начала решаться коллективным усилием, вся тяжесть затрат на воспроизводство рабочей силы ложилась прямым образом на ту зарплату, которая выплачивалась рабочему. Эта зарплата могла быть потрачена на здравоохранение, бывшее в этом случае товаром, или на поддержание женской половины семьи, выполнявшей такую работу, как приготовление еды и уборка дома. В той степени, в какой государство всеобщего благосостояния частично заменяет этот частный процесс воспроизводства рабочей силы, обеспечивая услуги по мере их надобности, а не по мере возможности их оплаты, можно говорить о процессе «приостановления товарных отношений». То есть ряд элементов процесса обеспечения нужд выводится из-под контроля рыночных отношений (при этом не стоит забывать, что само домашнее хозяйство является примером господства не товарных взаимоотношений).

Те ограничения, которые таким образом накладываются на логику рынка, и тот факт, что они зачастую вводятся из-за давления снизу, объясняют ту особую роль, которую играет рабочее движение в государстве всеобщего благосостояния. Например, Служба Национального Здравоохранения в Британии и то ожесточенное противостояние, которое вызывают любые попытки сократить ее значение. Однако это не меняет того факта, что коллективное обеспечение по-прежнему воспроизводит рабочую силу в форме наемного труда, самого являющегося товаром и обеспечивающего капитал относительно здоровой и образованной рабочей силой. Финансируется же это коллективное обеспечение за счет того же налогообложения, лежащего, что доказывает ряд исследований, в большой степени на все ту же зарплату. Следовательно, не следует преувеличивать размах «приостановления товарных

41 Понимание социального обеспечения — минное поле анализа. Критический обзор литературы см. Fine 2002, гл. 10.

отношений»; зачастую оно остается тесно завязанным на товарных отношениях. Кроме того, сегодня социальное обеспечение нередко снова превращается в товар: именно это случилось с зубной помощью в Великобритании. По мере того как качество и количество услуг, предоставляемых Службой Национального Здравоохранения, падало, все больше пациентов стали предпочитать частный сектор. Однако те изменения, которые ныне происходят с социальным обеспечением (по крайней мере) в Великобритании, лучше анализировать с помощью нашего третьего понятия.

(3) Реструктурирование: главное здесь — определить, насколько та приватизация, которая происходит сегодня, способствует более общим процессам реструктурирования капитала. Например, нынешняя волна «реформ» в социальном секторе Великобритании зачастую подразумевает все большую опору на частное обеспечение. Так, в сентябре 2003 г. иностранные компании получили почти все государственные контракты на осуществление 250 тыс. операций для пациентов Службы Национального Здравоохранения, эти операции должны были быть осуществлены в частных центрах под управлением частных лиц⁴². Или, например, государственные школы, которые получили новое название — «городские академии», — перешли под управление частных «спонсоров». В обоих случаях услуги продолжают оказываться на основе потребностей. При этом они целиком или по большей части спонсируются из общей налоговой базы. Случаи, подобные этим, помогают объяснить то, почему в развитых капиталистических экономиках за последние несколько десятилетий доля общественных расходов в национальном доходе, несмотря на неолиберальную «контрреволюцию», почти не изменилась⁴³.

Другой пример того же самого феномена реструктурирования — приватизация так называемых национальных индустрий Великобритании. Британская стальная промышленность, телекоммуникации, железные дороги и национальный угольный совет представляли собой огромные капиталистические предприятия, обладающие управленческой иерархией, многоплановой структурой и рабочей силой, состоящей в основном из наемных рабочих. При этом они не были в частных руках. Их финансовая автономия от Казны варьировалась. Одни наравне с другими конкурировали на национальном и мировом рынках (например, стальная промышленность и угольный совет), другие обладали национальной монополией (в этом отношении телекоммуникации и железные дороги в Великобритании были не сильно затронуты изменениями). После приватизации этих корпораций изменения привели не к тому, что они «из вне» капитала превратились в его часть. Просто-напросто они перешли из сферы государственного в сферу частного капитала. Все это лишь поверхностные изменения: от одной формы капитализма к другой. То же самое произошло и после крушения СССР.

42 Timmins 2004.

43 Данные о государственных расходах см. Най 2005, р. 246.

На что влияет такое реструктурирование, так это на распределение прибыли внутри класса капиталистов. Например, частное обеспечение Службы Национального Здравоохранения означает, что иностранные медицинские учреждения получают новый основной источник доходов, тогда как устоявшийся частный сектор британского здравоохранения оказывается вынужденным снижать издержки для того, чтобы иметь возможность конкурировать с иностранными компаниями за выгодные общественные контракты⁴⁴. Марксистские политические экономисты зачастую трактовали общественные предприятия как механизмы, посредством которых издержки на обеспечение необходимой инфраструктуры перекладываются в большей или меньшей степени на плечи государства. Один из наиболее ярких примеров такого рода – роль Мелиоративного Бюро США и Службы военных инженеров в проведении масштабных общественных мелиоративных работ, от которых зависит водоснабжение городов Калифорнии и Юго-Запада⁴⁵.

Приватизация позволяет частным инвесторам, а также высшему руководству некогда государственных компаний извлекать прибыль, а иногда и сверхприбыль, которая была для них не доступна тогда, когда цены регулировались в пользу выгод всего остального капиталистического класса. Например, вспомните те колоссальные доходы, которые принесла частной и нерегулируемой телекоммуникационной промышленности техническая революция последних нескольких десятилетий (хотя при этом государство продолжает субсидировать и гарантировать прибыль частным фирмам в отношении целого ряда услуг). Харви пишет о «перераспределении ценностей, которое в гораздо большей степени выгодно высшему, а не низшему классу», но, кроме того, приватизация (мы, конечно, согласны, что основная часть издержек легла на класс рабочих и на низшие strata общества) также привела к перераспределению добавочной стоимости внутри класса капиталистов⁴⁶. Продажа акций в приватизирующихся компаниях по субсидированным ценам есть обман налогоплательщика (прежде всего, рабочего класса). Однако одновременно это привело к перераспределению прибыли внутри правящего класса: от фирм, которые были способны покупать дешевые услуги, предоставляемые общественным сектором, к высшему руководству приватизирующихся компаний, к тем инвестиционным банкам, которые организовывали продажу акций, а также к тем крупным инвесторам, которые, в конце концов, и завладели их большей частью.

Ничто из выше описанного никоим образом не снижает значимость накопления через лишение собственности. Однако проведенный нами анализ высвечивает сложность того процесса, о котором идет речь. Его нельзя рассматривать просто как средство девальвации капитала или же разорения простого народа. Скорее это одна из граней происходящего в последние несколько десятилетий масштабного перестроения капитализма, подразуме-

44 Timmins 2004.

45 Reisner 1986.

46 Harvey 2003, p. 159.

вающего переход от преимущественно национального и государственно-ориентированного капитализма, господствовавшего в середине XX в., к новому типу капитализма. Этот последний, хотя и будучи по-прежнему, как указывает Харви, в огромной степени региональным и связанным с национальными государствами, все больше опирается на транснациональные производственные сети⁴⁷. Здесь мы подходим к нашему третьему вопросу, касающемуся накопления через лишение собственности: насколько оно важно? Харви, хотя и аккуратен в своих оценках, все же масштабен в построениях: он утверждает, что в 1980-х гг. «„накопление через лишение собственности“ [...] стало гораздо более значимым для мирового капитализма». Однако эта фраза ровным счетом ничего не говорит о важности накопления такого рода.

Этот вопрос важен. Есть эксперты, считающие, что накопление за счет мер политического принуждения становится основной формой современного капитализма. Например, сюда можно отнести с оговорками тезис де Анжелеса, согласно которому огораживание является определяющим для капиталистических отношений. Другие авторы говорят об этом чуть более явно. Так, например, Виджай Прасад пишет:

Энрон и прочие фирмы-мародеры ищут пути проникновения в угнетаемые регионы мира, чтобы поглотить те сектора экономики, которые до этого были в общественном распоряжении. Они принуждают слабые государства обеспечивать им высокий уровень прибылей — все это даже не требует от них военной угрозы тому или иному режиму. Это капитализм времен Энрона⁴⁸.

Говорить о «капитализме времен Энрона» значит подразумевать, что капитализм сегодня живет за счет грабежа на Юге. Это мнение прочно закрепилось среди представителей радикального левого фланга и особенно среди сторонников движения альтерглобалистов.

Однако расхожее мнение не всегда верно. Резкие перепады потоков прямых иностранных инвестиций, начиная с 1990-х гг. (см. таб. 1), указывают на те регионы, которые, по мнению капитала, способны дать наибольшую прибыль⁴⁹. Денежные средства, оставшиеся от прямых иностранных инвестиций, как показывает таблица 1, оседают в наиболее развитых регионах мира — Западной Европе, Северной Америке и Восточной Азии. Интересная закономерность: доля инвестиционных потоков, идущих в развитые страны, как это ни странно, только повысилась за время большого подъема в уровне прямых иностранных инвестиций в конце 1990-х гг. Этому способствовал

47 Например, см. Harman 1996.

48 Prasad 2002, p. 148.

49 Показатель прямых иностранных инвестиций включает в себя международные сделки по слиянию и приобретению, которые не приводят к созданию новых производственных мощностей. Следовательно, эти цифры отражают международный бум сделок по слиянию и приобретению на пике подъема конца 1990-х гг., однако они не могут служить в качестве показателей корпоративного мнения об относительной прибыльности инвестирования в различные регионы.

клинтоновский подъем в США и переход на единую валюту в континентальной Европе. Тот же самый паттерн преобладал на всем протяжении послевоенного времени: транснациональные корпорации, которые господствуют в мировом капитализме, концентрируют свои инвестиции (и торговлю) в развитых экономиках. По сути, львиная доля инвестиций приходится на их же собственный регион. Капитал по-прежнему избегает глобального Юга⁵⁰.

Таблица 1. Потоки прямых иностранных инвестиций (FDI), 1992–2003 (млрд долларов)

Регион/страна	1992–1997	1998	1999	2000	2001	2003	2003
Развитые страны	180.8	472.5	828.4	1,108.0	571.5	489.9	366.6
Западная Европа	100.8	263.0	500.0	697.4	368.8	380.2	310.2
Япония	1.2	3.2	12.7	8.3	6.2	9.2	6.3
США	60.3	174.4	283.4	314.0	159.5	62.9	29.8
Развивающиеся экономики	118.6	194.4	231.9	252.5	157.6	157.6	172.0
Южная, Вост. и Юго-Восточная Азия*	69.6	92.1	109.1	142.7	102.2	86.3	96.9
Китай	32.8	45.5	40.3	40.7	46.9	52.7	53.5
Центральная и Восточная Европа	11.5	24.3	26.5	27.5	26.4	31.2	21.0
Мир в целом	310.9	690.9	1,086.8	1,388.0	817.6	678.8	559.8
Развитые страны в % от всего мира	58.15	68.39	76.22	79.83	69.90	72.17	65.51

* Исключая Японию: прямые иностранные инвестиции в Южную Азию в этот период варьировались между 2,5 миллиардов и 6,5 миллиардов долларов.

Источник: UNCTAD, World Investment Report 2004.

Главное исключение из этой закономерности — Китай, на который хлынула целая волна инвестиций. Однако даже в этом случае все очень относительно: в 2004 г. прямые иностранные инвестиции в Китай составили 55 милли-

⁵⁰ Верно, что портфельные инвестиции в корпоративные обычные акции и облигации в отличие от прямых иностранных инвестиций в последние годы переместились в так называемые формирующиеся рынки. Согласно «Файнэншл Таймс», «показатели обычных акций и облигаций формирующихся рынков в последние годы значительно переросли показатели развитых рынков. [...] Инвестиционные потоки в акции формирующихся рынков достигли рекордных показателей, а цены облигаций на этих рынках как никогда высоки». Однако эти тенденции должны быть помещены в правильный контекст. Во-первых, есть вероятность, что все это — спекулятивные изменения, сравнимые с подъемом формирующихся рынков в начале 1990-х гг.; подъемом, который затем был скорректирован мексиканским кризисом 1994–1995 гг., а также крушениями экономик Восточной Азии и России в 1997–1998 гг. Во-вторых, в историческом масштабе этот поток относительно невелик: согласно Ричарду Куксону из Эйч-эс-би-си (HSBC), «средний инвестор в Великобритании в XIX в. 25% своих средств вкладывал в формирующиеся рынки. Для сравнения институциональные инвесторы США в недавние годы имели едва ли 10% средств, вложенных в иностранные ценные бумаги, лишь часть из этих средств приходилась на формирующиеся рынки». Общая доля формирующегося рынка на торгах в Лондоне лишь в 2005 г. достигла своего показателя 1905 г.: 12% от мирового ВВП (см. Brown-Humes 2006).

ардов долларов, что значительно меньше, чем инвестиции в США (107 миллиардов) и Великобританию (78,5 миллиардов)⁵¹. Как замечает Харви, «поворот к управляемому государством капитализму в Китае повлек за собой все новые и новые волны примитивного накопления»⁵². Были приватизированы не только государственные и городские / деревенские предприятия, но даже общая земля, которая перешла в руки местных чиновников, продавших ее под коммерческие нужды. Последний факт часто становился причиной сельских волнений⁵³. Однако важно, об этом предупреждает нас Харви в «Краткой истории неолиберализма», увидеть в этом воровстве и хищничестве при всей их несомненной жестокости и несправедливости этапы становления примитивного накопления в классическом смысле этого слова. Это накопление помогает создавать условия для того, что он называет расширяющимся воспроизводством (накопление капитала, основанное на эксплуатации наемного труда), развивающимся в Китае очень быстрыми темпами⁵⁴. Прямые иностранные инвестиции текут в Китай не потому, что там есть возможность завладеть некогда коллективными благами, но потому что там можно добиться существенного снижения издержек на производство, что крайне важно на в высшей степени конкурентном мировом рынке. Снижение издержек достигается за счет участия в транснациональных производственных сетях, которые сосредоточены в Китае⁵⁵. Огораживание общих территорий, происходящее в Китае, не является сутью происходящего там процесса накопления, скорее это огораживание помогает создать для него условия.

Эти комментарии никоим образом не направлены против Харви, который, как мы уже видели, настаивает на диалектической природе расширяющегося воспроизводства и накопления через лишение собственности. Более того, он изображает мировую экономику не как «однородное пространство» Империи, но как комплексную тотальность, связывающую воедино сосредоточение неравномерно развитых «регионов, выстроенных молекулярными процессами накопления капитала в пространстве и времени».

В том общем росте, который Бреннер отсчитывает от 1980-х гг., могут быть вычленены рост доминирующей экономической сердцевины (триада США, Япония и Европа) и многоуровневые разрастающиеся примеры пространственно-временного фиксирования, которые относятся, прежде всего, к Восточной и Юго-Восточной Азии, к некоторым странам Латинской Америки (Бразилия, Мексика, Чили), а также (после окончания холодной войны) к целому ряду стремительных прорывов в Восточной Европе⁵⁶.

51 Файнэншл Таймс от 24.06.2005. Данные Организации экономического сотрудничества и развития несколько отличаются от данных Конференции торговли и развития ООН, которые легли в основу Табл. 1.

52 Harvey 2003, pp. 153–4.

53 Lee & Selden 2005.

54 Harvey 2005b, Гл. 5.

55 Hart-Landsberg & Burkett 2006.

56 Harvey 2003, p. 121. Согласно Харви, пространственно-временная фиксация подра-

Однако Харви порой заходит слишком далеко с идеей о переходе к преимущественному хищническому капитализму. Так, он пишет: «США [в 1980-е и 1990-е гг.] двигались к тому, чтобы быть по отношению ко всему остальному миру экономикой рантье, а по отношению к своей стране — обслуживающей экономикой». В поддержку данного тезиса он цитирует анализ Питера Гована о том, как Уолл-стрит, Казна и МВФ вместе использовали финансовые кризисы для того, чтобы «реорганизовать в тех странах, в которых они произошли, внутренние общественные производственные отношения так, чтобы это способствовало дальнейшему проникновению в них внешних капиталов». Именно в этом контексте Харви впервые поднимает разговор о том, что накопление через лишение собственности все больше выходит в современном обществе на первый план⁵⁷. Это очень обширный вопрос,

зумеет вытеснение кризиса перенакопления за счет долговременных инвестиций и /или получения доступа к рынкам и производительным ресурсам на новых пространствах: Harvey 2003, pp. 108–24; Harvey 1982, Гл. 12 и 13.

- 57 Harvey 2003, pp. 66, 67; см. Gowan 1999. Харви пишет: «Порочный союз государственной мощи и хищнических аспектов финансового капитала составляет средоточие „хищного капитализма“, который связан с каннибальскими практиками и насильственной девальвацией в такой же мере, в какой он связан с достижением гармоничного глобального развития» (Harvey 2003, p. 136). Однако Харви, похоже, считает, что первый аспект «хищного капитализма», не являясь сутью нынешнего американского империализма, вполне может выйти на первый план, если неолиберализм начнет причинять еще большее экономическое и общественное опустошение, чем сейчас. Симон Бромли в своей статье, направленной на опровержение Харви и всех тех, кто разделяет его понимание войны в Ираке, утверждает, что захват Ирака не может быть рассмотрен как следствие «исключительно экономических соображений, являющихся частью грабительской формы доминирования. Скорее США используют свою военную мощь для того, чтобы сформировать такой геополитический строй, который обеспечивает политическое функционирование предпочитаемого Америкой устройства мировой экономики, суть которого во все более открытом либеральном международном порядке. Политика США направлена на создание общей открытой нефтяной промышленности, в которой рынки, управляемые крупными международными компаниями, распределяют капитал и товары. Мощь государственной машины США используется не просто для того, чтобы защитить частные потребительские нужды Америки, но для того, чтобы создать общие условия для мирового нефтяного рынка. На этом рынке, в чем полностью уверены США, они, ведь их экономика ведущая, смогут без всякого труда благодаря торговле достичь всего необходимого» (Bromley 2005, p. 254). Мы не видим никаких оснований, почему Харви должен не согласиться с такой постановкой вопроса (см. его анализ исторической стратегии американского капитализма Harvey 2003, Гл. 2). Также мы не видим ничего, что мешало бы и нам согласиться с таким анализом. Бромли, по сути, рассматривает нефть как пример того, что Эндрю Бачевич назвал «стратегией открытости», которую США проводят уже с начала XX в. «В основе этой стратегии — преданность общей открытости, то есть устранению всех барьеров, препятствующих движению товаров, капитала, идей и людей. Основная цель — создание единого мирового порядка, основанного на принципах демократического капитализма. В этом мировом порядке США отводится роль гаранта и правоприменителя» (Bacевич 2002, p. 3). Это очень хорошее описание стратегии господства, которое прекрасно сочетается с частым применением США своей военной силы. Бачевич это крайне умело демонстрирует. Однако проблема, которую Бачевич не рассматривает в своей статье, касается того,

по которому вообще можно сказать гораздо больше, чем в рамках, отведенных нам здесь, поэтому мы ограничимся двумя замечаниями.

Во-первых, Харви прав, когда делает упор на все большее давление со стороны конкурентов, которое испытывает экономика США, начиная с затянувшегося кризиса прибыльности, набравшего обороты с 1960-х гг., и вплоть до сего дня. Эту ситуацию не исправил даже подъем конца 1990-х гг.⁵⁸ В этом важном аспекте позиция Харви отличается от позиции Панича и Жиндина, которые утверждают, что капитализм США преодолел то, что они называют кризисом погони за прибылью 1970–1980-х гг. Во-вторых, реагирование на давление конкурентов выводом производственных мощностей за рубеж не свидетельствует само по себе о трансформации американской экономики в глобального рантье. Американская корпорация, которая переводит часть производства в Китай или Мексику, не перестает быть производственным капиталистом. Наоборот, она действует совершенно разумно: она ищет пути сокращения производственных издержек за счет передислокации некоторых элементов производственной цепи за границу, где труд стоит дешевле. Во вторжении американского капитализма в мировую экономику есть аспекты, выглядящие паразитарными в гораздо большей степени. Прежде всего речь идет о его зависимости от притока иностранного капитала, особенно из Восточной Азии, который необходим для покрытия финансового дефицита. Однако даже в этом случае все не так просто; требуется рассмотрение данной ситуации в свете комплексных взаимоотношений экономической взаимозависимости США, Китая и прочих азиатских капитализмов.

Современное накопление через лишение собственности лучше всего рассматривать на этом фоне. В условиях суровой конкуренции и относительно низкой прибыльности капитал охотно занимает любую нишу, из которой только может быть извлечена прибыль. Некоторые компании, используя новую политику (приватизации), потворствующую интересам частного капитала, реорганизируются или сразу пытаются извлечь или перераспределить ту прибавочную стоимость, которую могут дать государственные активы. Некоторые из тех возможностей, которыми они стремятся воспользоваться, находятся на большом Юге: особенно поражает роль европейских транснациональных компаний в деле приватизации в Латинской Америке⁵⁹.

испытывают ли США какое-то внутреннее напряжение по этому поводу? И если да, то какие стратегические реакции на это напряжение могут обсуждаться в кругу управленцев американского государства?

58 Особенно см.: Brenner 2002.

59 Однако см. очень интересный анализ, проведенный Эрикой Шенбергер, возникновения Вивенди Энвайронмент как «крупнейшего в мире поставщика продуктов и услуг, связанных с доставкой воды и механизмами очистки сточных вод» в начале 2000-х гг. Она замечает, что, «несмотря на то внимание, которое уделялось приватизации и развитию формирующихся рынков [...], особенно в Азии, развивающиеся страны не были основной целью инвестиций Вивенди». По достаточно щедрым подсчетам доля развивающихся стран в доходах Вивенди в промежутках с 1998 по 2000 гг. возросла с 4% до 8,7%. «Основное внимание при своем мировом репозиционировании фирма уделяла США» (Schoenberger 2003, pp. 86, 91, 92).

Однако при этом основной поток товаров и капитала в мировой экономике идет внутри стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСД). Вместе с Китаем они питают расширяющееся воспроизводство капиталистической системы, которая продолжает извлекать прибыль преимущественно из эксплуатации добавочного труда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Марксистские подходы к империализму — путь к пониманию траектории мирового капитализма в целом. Одно из достоинств «Нового империализма» в том, что его автор понимает это, поэтому круг обсуждаемых вопросов не сводится к Ираку. Его понимание империализма ценно как само по себе, так и как средство развития марксистской теории государства. Харви усилил разделение между территориальной и капиталистической логиками Арриги, поместив это разделение в рамки марксистской теории перенакопления и кризиса. Само это разделение, как нам кажется, может быть упрочено, если его переформулировать в терминах анализа различных, но пересекающихся интересов капиталистов и государственных управленцев. Этот анализ проводили Блок, Харман и многие другие. Наше расхождение с Харви, касающееся его чрезмерного внимания к понятию накопления через лишение собственности, важно в политическом смысле в силу его созвучности с критикой неолиберализма из стана движения альтерглобалистов. Однако все это никоим образом не уменьшает степень нашего теоретического с ним согласия. Более того, в некотором смысле мы даже ему в чем-то обязаны.

Перевод с английского Дмитрия Узланера

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Arrighi, Giovanni 1994, *The Long Twentieth Century*, London: Verso.
2. Arrighi, Giovanni 2005a, «Hegemony Unravelling — I», *New Left Review*, II, 32: 23–80.
3. Arrighi, Giovanni 2005b, «Hegemony Unravelling — II», *New Left Review*, II, 33: 83–116.
4. Bacevich, Andrew J. 2002, *American Empire*, Cambridge, MA.: Harvard University Press.
5. Barker, Colin 1978, «The State as Capital», *International Socialism*, 2, 1: 16–42.
6. Block, Fred 1987, *Revising State Theory*, Philadelphia: Temple University Press.
7. Brenner, Robert 1986, «The Social Basis of Economic Development», in *Analytical Marxism*, edited by John Roemer, Cambridge: Cambridge University Press.
8. Brenner, Robert 2002, *The Boom and the Bubble*, London: Verso.
9. Bromley, Simon 2005, «The United States and the Control of World Oil», *Government and Opposition*, 40: 225–55.
10. Brown-Humes, Christopher 2006, «A Grown-Up Brady Bunch? », *Financial Times*, 2 March.
11. Callinicos, Alex 2003, *The New Mandarins of American Power*, Cambridge: Polity.
12. Callinicos, Alex 2004a, «Marxism and the International», *British Journal of Politics and International Relations*, 6: 426–33.
13. Callinicos, Alex 2004b [1987], *Making History*, HM Book Series, Leiden: Brill.
14. Callinicos, Alex 2005a, «Iraq: Fulcrum of World Politics», *Third World Quarterly*, 26: 593–608.

15. Callinicos, Alex 2005b, «Imperialism and Global Political Economy», *International Socialism*, 2, 108: 109–27.
16. Callinicos, Alex 2006, «David Harvey and the Classics», in *David Harvey: Critical Perspectives*, edited by Noel Castree and Derek Gregory, Oxford: Blackwell.
17. Callinicos, Alex 2007, «Does Capitalism Need the State System? », forthcoming in the *Cambridge Review of International Studies*.
18. Davis, Mike 2004, «Planet of Sums», *New Left Review*, 11, 26: 5–34.
19. De Angelis, Massimo 2004, «Separating the Doing and the Deed», *Historical Materialism*, 12: 57–87.
20. Ferguson, Niall 2004, *Colossus*, London: Allen Lane.
21. Fine, Ben 2002, *The World of Consumption*, London: Routledge.
22. Gaddis, John Lewis 2004, *Surprise, Security, and the American Experience*, Cambridge, MA.: Harvard University Press.
23. Gowan, Peter 1999, *The Global Gamble*, London: Verso.
24. Hardt, Michael and Antonio Negri 2000, *Empire*, Cambridge, MA.: Harvard University Press.
25. Harman, Chris 1991, «The State and Capitalism Today», *International Socialism*, 2, 51: 3–54.
26. Harman, Chris 1996, «Globalization: Critique of a New Orthodoxy», *International Socialism*, 2, 73: 3–33.
27. Hart-Landsberg, Martin, and Paul Burkett 2006, «China and the Dynamics of Transnational Capital Accumulation», *Historical Materialism*, 14, 3: 3–43.
28. Harvey, David 1982, *The Limits to Capital*, Oxford: Basil Blackwell.
29. Harvey, David 2003, *The New Imperialism*, Oxford: Oxford University Press.
30. Harvey, David 2005a, «Last Days of Empire», *Socialist Worker*, 30 July 2005.
31. Harvey, David 2005b, *A Brief History of Neoliberalism*, Oxford: Oxford University Press.
32. Hay, Colin 2005, «Globalization's Impact on States», in *Global Political Economy*, edited by John Ravenhill, Oxford: Oxford University Press.
33. Lee, Ching Kwan, and Mark Selden 2005, «Class, Inequality, and China's Revolutions», Paper for the Conference on Class, Revolution, and Modernity, King's College, Cambridge, 1–2 April.
34. Mann, Michael 2003, *Incoherent Empire*, London: Verso.
35. Marx, Karl 1976 [1867], *Capital*, Volume I, Harmondsworth: Penguin.
36. Miliband, Ralph 1983, «State Power and Class Interests», *New Left Review*, 1, 138: 57–68.
37. Monbiot, George 2000, *Captive State*, London: Macmillan.
38. Panitch, Leo, and Sam Gindin 2003, «Global Capitalism and American Empire», in *The New Imperial Challenge: Socialist Register 2004*, edited by Leo Panitch and Colin Leys, London: Merlin.
39. Perelman, Michael 2000, *The Invention of Capitalism*, Durham, NC.: Duke University Press.
40. Prasad, Vijay 2002, *Fat Cats & Running Dogs*, London: Zed.
41. Reisner, Marc 1986, *Cadillac Desert*, New York: Viking Penguin.
42. Retort 2005, *Afflicted Powers*, London: Verso.
43. Robinson, William 2004, *A Theory of Global Capitalism: Production, Class, and State in a Transnational World*, Baltimore: The John Hopkins University Press.
44. Schoenberger, Erica 2003, «The Globalization of Environmental Management:
45. *International Investment in the Water, Wastewater and Solid Waste Industries*», in *Remaking the Global Economy*, edited by Jim Peck and H. W. Yeung, London: Sage.
46. Timmins, Nicholas 2004, «Milburn Legacy is Radical Shake-Up of Healthcare Market»,
47. *Financial Times*, 10 June.
48. UNCTAD, *World Investment Report 2004*, www.unctad.org.
49. Van Der Pijl, Kees 1984, *The Making of an Atlantic Ruling Class*, London: Verso.
50. Wolfowitz, Paul 1997, «Bridging Centuries: Fin de Siècle All Over Again», *National Interest*, 47 (online edition), www.nationalinterest.org.